

ISSN: 2078-1296

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2078-1296

Has been issued since 2003.

History and Historians in the Context of the Time

UDC 93/94

Soviet-German Relations in 1940–1941

Amiran T. Urushadze

Southern Federal University, Russian Federation
344090, Rostov-on-Don, Zhmaylova st, 23, apt. 3
Institute for Socio-Economic and Humanities Research Southern Research Center of Russian
Academy of Sciences, Russian Federation
344006, Rostov-on-Don, Chekhov st, 41
PhD (History)
E-mail: urushadze85@mail.ru

Abstract. In article On the basis of published sources comprehensively analyzes the main stages in the development of Soviet-German relations in 1940-1941. Critically examine some stereotypical assessment, widely spread in the nonfiction works and historiography. Isolated and characterized the main motives and objectives that determined the foreign policy of the USSR and Germany.

Keywords: Soviet-German relations; the foreign policy of the USSR.

Введение. Страницы истории кануна Великой Отечественной войны и предшествующих военному столкновению СССР и Германии дипломатических маневров широко дискутируются как научным сообществом, так и в общественно-политической сфере. Именно на примере полемики вокруг сущности и характера советско-германских отношений в 1940–1941 гг. отчетливо видны способы и механизмы использования прошлого в деле достижения политических целей путем формирования нужного общественного мнения.

В эпоху «холодной войны» два противоборствующих лагеря культивировали собственные, различные версии и оценки ряда событий и явлений истории Второй мировой войны. В странах западной демократии было принято если не приписывать, то подчеркивать решающую роль в победе над фашизмом США, Великобритании и Франции. В свою очередь в СССР был успешно создан образ «хитрого» союзника-капиталиста, примкнувшего к героической борьбе советского народа уже после того как были развеяны последние сомнения в его скорой и решительной победе. Данные стереотипные версии прошлого одинаково далеки от истины и очевидно созданы для общественного потребления. Однако с началом перестройки и крахом СССР советское общество было вынуждено отказаться от устоявшихся идеологем. Эпоха тотальной «переоценки ценностей» не принесла адекватного понимания места страны в мире и правды ее истории. Место рухнувших «символов веры» заняли новые, не менее спорные кумиры. Последствия подобной инверсии будут сказываться еще долгое время.

Наибольшую опасность для массового исторического сознания россиян без сомнения представляет закрепление некоторых сомнительных в научном плане и до предела политизированных оценок истории Второй мировой войны и Великой Отечественной как ее составной части.

Дело в том, что для современной России память о событиях Войны и ее многочисленных жертвах остается единственной морально-нравственной скрепой, объединяющей, консолидирующей многонациональное и поликонфессиональное население. Кроме того, следует согласиться с ранее высказанным тезисом о стремлении власти сохранить память о войне в качестве главного и по сути единственного связующего звена между Россией современной и ее советским прошлым [1]. Учитывая это неудивительно, что в последние годы наблюдается стремительное «огосударствление» памяти о войне. Политизацию событий 1939–1945 гг. можно наблюдать как в России и странах постсоветского пространства, так и в Европе и Северной Америке.

Материалы и методы. В свете этого, очевидно, что каждая новая попытка объективного и беспристрастного анализа различных эпизодов и явлений истории Второй мировой войны будет иметь и научную и общественную актуальность. Интерес к истории советско-германских отношений накануне Великой Отечественной войны активно подогревается сопутствующей идейной и политической борьбой, различные аспекты и влияние которой уже анализировалось в отечественной историографии [2].

В данной работе на основе открытых источников будет проведен комплексный анализ содержания двусторонних взаимоотношений и контактов СССР и Германии в 1940–1941 гг., а также определено их значение в развитии международной политики этого периода времени.

Обсуждение. Вопреки ныне распространенному в публицистике мнению, советско-германские отношения после заключения пакта о ненападении и подписания договора о дружбе и границе в августе-сентябре 1939 г. в последующие два года развивались крайне противоречиво, изобилуя взаимными претензиями и подозрительностью. Ни одна из сторон не испытывала иллюзий по поводу достигнутых договоренностей.

Результаты. Улучшение отношений с СССР в 1939 г. Адольф Гитлер называл в кругу своих приближенных «браком по расчету» [3]. Лидеры двух держав, несмотря на формальные заверения в дружеском расположении, так никогда и не поверили друг другу. Этому препятствовала и непримиримая идеологическая вражда, и различные стратегические устремления. Гитлеру необходимо было обезопасить себя с Востока прежде начала решающих событий на Западе. Отдельно необходимо отметить, что для Германии большое значение имели и торговые соглашения с СССР, заключенные в конце 1939 – начале 1940 гг. Именно советские поставки сырья и продовольствия покрывали значительную часть потребностей рейха и смягчали последствия экономической блокады, которую, как ожидалось, с началом войны неизбежно должны были ввести Англия и Франция. Гитлер не намеревался предавать германо-советскому сближению долгосрочный характер. Почти сразу после подписания указанных документов Гитлер заявил министру иностранных дел Й. фон Риббентропу, что после победоносного завершения военной кампании на Западе, он выступит против СССР для завоевания столь необходимого германскому народу «жизненного пространства». О подобных намерениях Гитлер говорил и в ходе встреч с командованием вермахта. Так, после завершения первой фазы кампании против Франции, посетив штаб группы армий «А» в Шарлевилле, и встретившись с генералами Г. фон Рунштедтом и Г. фон Зоденштерном Гитлер «как бы ведя личную беседу сказал, что если, как он ожидает, Франция “отпадет” и будет готова к заключению разумного мира, то у него, наконец, будут развязаны руки для выполнения своей настоящей задачи – разделаться с большевизмом» [4].

Отметим, что такие планы германского фюрера прямо противоречили мнению главы немецкого МИДа. По воспоминаниям французского посла в Берлине Р. Кулондра союз с СССР стал навязчивой идеей Риббентропа, которой он отдавал все силы и, с воплощением которой связывал надежды на процветание и несокрушимость Германии [5].

О внешнеполитических целях СССР можно судить по словам Иосифа Сталина, сказанным 7 сентября 1939 г. в беседе с руководством Коминтерна: «Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.д.) за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет распатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем

маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались» [6]. Видеть в этих тезисах Сталина «приверженность к мировой революции» или «коминтерновское мышление» не только опрометчиво, но и ошибочно. Столь же абсурдно рассматривать эти и другие подобные слова Сталина и его окружения как свидетельство того, что СССР готовился начать первым новую мировую войну. Следовательно, это же относится и к тезису об антисоветской агрессии Гитлера как о «превентивной» войне Германии. Внимательное и беспристрастное прочтение выступлений Сталина по проблемам войны и мира в Европе в 1939-1940 гг. убеждает в том, что советская политическая элита считала, что «империалистическая война» уже давно идет и проявляется в тотальной милитаризации, имперских амбициях, территориальных захватах и воинственной риторике Германии, Италии и Японии.

В результате достигнутых с Германией соглашений Сталин получил пусть и временные, но все же гарантии от германской агрессии и «капиталистического окружения», которого он всерьез опасался [7]. Очевидно, что тактический договор с Германией был просто необходим СССР после провала попыток создания системы коллективной безопасности. Как и для немецкой стороны, торговые соглашения имели большое значение в планах советского руководства. За счет немецких поставок СССР укреплял свой оборонный и промышленный потенциал. О значимости и принципиальности вопроса немецких поставок красноречиво говорит тот факт, что его курировал лично Сталин. Советских военных заказов было так много, что Германия не раз пыталась договориться об отсрочке их выполнения, но неизменно встречала жесткий отказ советской стороны. На советско-немецких переговорах, посвященным вопросам экономических связей, которые проходили в Москве в конце 1939 – начале 1940 гг. главной темой было урегулирование взаимных поставок. Сталин, возглавлявший советскую делегацию, в первые дни 1940 г. согласился на сокращение советских заказов, но настаивал на ежеквартальной балансировке взаимных поставок. Германские дипломаты указывали на невыполнимость подобных условий ввиду вступления рейха в войну. Риббентроп в письме к Сталину от 5 февраля 1940 г. прямо настаивал на получении поддержки от советского правительства «в нашей войне с Англией и Францией путем возможно быстрых и объемлющих поставок сырья» [8]. Сталин пошел на уступки немецкой стороне и 8 февраля предложил компромиссное решение. Для советских поставок устанавливался срок в 18 месяцев, а для немецких – 32 месяца. Регламентировался также и период взаимной балансировки поставок. Для первого года соглашения необходимо было балансировать взаимные поставки каждые 6 месяцев, а во втором – каждые 3 месяца [9]. Именно на таких условиях 11 февраля 1940 г. в Москве было подписано Хозяйственное соглашение между СССР и Германией [10].

Данные договоренности имели утилитарный характер и не свидетельствовали о складывании советско-германской коалиции. Об этом однозначно заявляли советские дипломаты в ответ на вопросы-упреки внешнеполитических ведомств Англии и Франции. Торговые соглашения были заключены только в двустороннем формате и не распространялись на союзников Германии, в частности Италию, торговые связи с которой имели собственную историю и логику развития. Летом 1940 г. Риббентроп через советского посланника в Берлине А. Шкварцева обращался к руководству СССР с просьбой о продаже нефтепродуктов Италии. Показательно, что советская сторона корректно (ссылаясь на испорченные торговые отношения с Италией), но твердо ответила отказом [11].

Сближение с Германией отнюдь не являлось доминантой советской внешней политики. Руководство СССР пыталось маневрировать в условиях роста противоречий, дипломатической и военной напряженности в Европе. Затянувшаяся и долгое время неудачно складывающаяся война с Финляндией сделала вполне реальной угрозу англо-французского вмешательства в этот конфликт. Кроме того, советская дипломатия, идя на сближение с Германией, всеми силами пыталась показать истинность и нерушимость своего нейтралитета по отношению к англо-французскому противоборству с Гитлером. Эти соображения стали причиной заметного охлаждения советско-германских отношений в феврале – марте 1940 г. Поначалу претензии советской стороны выглядели вполне безобидно: трудности с визами для немцев, задержки в передаче граждан Германии, отбывающих срок в советских тюрьмах. Но уже 5 марта СССР уведомил Германию, что использование базы «Норд» (бухта Западная Лица на южном побережье Мотовского залива,

неподалеку от Мурманска), переданной в распоряжение немцев в ноябре 1939 г. будет затруднено до конца финских событий [12].

Показательно также и то, что советская сторона под разными предложениями оттягивала, запланированный ранее, визит В. Молотова в Берлин для обмена ратификационными грамотами к договору от 28 сентября 1939 г. В марте 1940 г. немецкому послу в Москве Ф. Шуленбургу было дано указание вернуться к этому вопросу, но и в этот раз советское руководство уклонилось от обсуждения данной темы.

Эти и другие меры позволили СССР улучшить свои отношения с Англией и Францией, не отказываясь от немецких гарантий. О необходимости и актуальности подобных маневров говорит тот факт, что они не только актуализировали торговые соглашения СССР с Англией, но и замедлили разработку и воплощение в жизнь англо-французских планов по нападению на юг СССР. О таких отнюдь не дружественных намерениях было хорошо известно в Москве. Начиная с 31 декабря 1939 г. наркомат обороны СССР планомерно усиливал войска Закавказского военного округа (ЗакВО) путем призыва резервистов сверх штатов мирного времени [13].

История советско-германских отношений 1940–1941 гг. знает примеры не только дипломатических противоречий, но и открытых военных противостояний. В период советско-финской войны Германия тайно поддерживала финнов. В свою очередь советские военно-морские силы и авиация не церемонились с немецкими судами, появлявшимися в зоне боевых действий. Германия не оставалась в долгу. В ходе кампании в Северной Европе в апреле-июне 1940 г. немецкая артиллерия и истребители охотно сбивали советские самолеты, замеченные в небе Северной Норвегии [14].

Наиболее взвешенную оценку смысла и характера советско-германских отношений исследуемого периода дал О.В. Вишлев. Критикуя концепцию гармоничного и дружественного союза между СССР и Германией, основанную на формальных заверениях в союзных намерениях, исследователь отметил: «Шла большая дипломатическая игра, и все эти заявления и жесты преследовали совершенно определенные политические цели. Они отнюдь не свидетельствовали о наличии у сторон общих интересов и симпатий, которые были способны придать отношениям между ними стабильный, долговременный характер. Наоборот, они были призваны компенсировать отсутствие этой общности интересов, замаскировать подлинное отношение Берлина и Москвы друг к другу, не дать скрытому противоборству, которое шло между ними, раньше времени перерасти в открытый конфликт» [15].

Именно открытым конфликтом между двумя странами едва не закончилась оккупация войсками СССР территории стран Прибалтики. Расширяя свое присутствие в Эстонии, Латвии и Литве советское руководство, прежде всего, учитывало стратегическое значение Прибалтики в возможном будущем столкновении с Германией. Не отрицая того факта, что данный шаг являлся несомненной агрессией против независимых государств, скрытой за ширмой мнимой «народной воли», все же заметим, что гегемония союзного руководства пришла в Прибалтику на смену едва ли не более жестким, откровенно диктаторским режимам. Имел свои собственные планы в отношении стран Балтии и Гитлер. По свидетельствам латвийского посланника в Берлине Криевиня весной 1940 г. в Германии получили широкое распространение карты так называемой «новой Европы», на которых балтийские государства были включены в состав немецкого рейха [16]. А уже начиная с 19 июня 5-ое (разведывательное) Управление РККА начинает регулярно сообщать о заметной концентрации сил вермахта на германо-литовской границе [17].

Этой ситуацией, по-видимому, решили воспользоваться Англия и Франция. С подачи англо-французских специальных служб в мировой прессе было широко растиражировано сообщение о том, что СССР собрал в Прибалтике ударный армейский «кулак» численностью в 100–150 дивизий для оказания давления на Германию. В опровержение подобных слухов 23 июня вышло специальное сообщение ТАСС, в котором с категоричностью утверждалось, что сообщения о расположении в Прибалтике крупного воинского контингента с агрессивными целями в отношении Германии «совершенно не соответствуют действительности».

Несколькими днями ранее, германский посол Шуленбург очевидно пытаясь дезавуировать информацию советской разведки о скоплении частей вермахта у литовской

границы, в беседе с Молотовым, посвященной событиям в странах Балтии и судьбе балтийских диктаторов заметил, что Литва не может контролировать свою границу с Германией и существует угроза перехода «литовских частей» [18].

Период 1940-1941 гг. в советско-германских отношениях отмечен и масштабной войной разведок. За два неполных года органы НКВД раскрыли 66 резидентур германской разведки, разоблачили 1596 германских агентов, из них 1338 в западных областях Украины и Белоруссии, а также в Прибалтике [19]. В западных пограничных районах СССР сотрудники НКВД вступали в частые столкновения и другие инциденты с пограничной полицией имперского управления безопасности.

После капитуляции Франции Гитлер получил долгожданную возможность повернуть военную машину вермахта на Восток. Наряду с этим немецкое командование начало разработку плана «Морской лев» - десантной операции на Британские острова. При этом Гитлер надеялся, что Англия запросит мира ранее начала немецкого десанта. Согласно записям главы немецкого генерального штаба Ф. Гальдера, фюрер на совещании в Бергхофе 13 июля 1940 г. говорил, что поражение Англии и распад Британской империи не принесет никакой пользы Германии, а сыграет на руку лишь «Японии, Америке и другим...» [20]. Спустя две недели 31 июля 1940 г. Гитлер уже прямо указывал Гальдеру о необходимости военной операции против СССР, которая, по мысли главы немецкого правительства, должна была начаться весной 1941 г. и продлится не более пяти месяцев: «Чем скорее будет разгромлена Россия, тем лучше» [21] - полагал Гитлер.

С осени 1940 г. советско-германские отношения стремительно теряют даже внешние признаки согласованности, основанной на общности «коренных интересах двух государств». Готовя агрессию против СССР, фашистская Германия активизировала дипломатические усилия на Балканах. После окончательного краха Версальской системы, ознаменованной поражением Франции в войне с Германией, обнажились противоречия и территориальные споры между Венгрией, Болгарией и Румынией. Венгрия была готова к военным действиям с целью отвоевать у Румынии Трансильванию. Возрастающая напряженность на Балканах не могла не беспокоить Германию, учитывая ее зависимость от поставок румынской нефти. Возможная крупная война на Балканах беспокоила также Италию. Внешнеполитическими ведомствами Германии и Италии было выработано компромиссное решение конфликта. В конце августа 1940 г. Риббентроп и министр иностранных дел Италии Г. Чиано пригласили в Вену представителей Венгрии и Румынии. В ходе встречи союзники по «Стальному пакту» смогли навязать венграм и румынам свои условия. Венгрия получила северную Трансильванию, а Румынии была гарантирована неприкосновенность ее новых границ.

Венские договоренности неизбежно должны были вызвать подозрительность и недовольство СССР. Риббентроп поручил Шуленбургу сообщить советской стороне о достигнутых результатах и представить роль Германии в «лучшем свете». Однако Шуленбургу не удалось усыпить внимание Молотова, который в беседе с немецким посланником жестко указал на факт нарушения Германией договора о ненападении от 23 августа 1939 г., где кроме прочего оговаривалась необходимость консультаций по вопросам интересующих обе стороны. Эта дипломатическая «пикировка» проходила для советского правительства на фоне многочисленных сообщений о концентрации немецких войск в приграничных районах.

Параллельно с усилением своих позиций на Балканах, Германия с июня 1940 г. готовила союзное соглашение с Италией и Японией. Итогом дипломатической активности Берлина стало подписание 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта. В тексте договора говорилось: «Япония признает и уважает руководящую роль Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе» (ст. 1); «Германия и Италия признают и уважают руководящую роль Японии в установлении нового порядка в Велико-азиатском пространстве» (ст. 2). Если же одна из трех стран подвергнется нападению какой-либо державы, то они будут помогать друг другу «всеми политическими, экономическими и военными средствами» (ст. 3) [22]. Надо отметить, что в период подготовки и подписания Тройственного пакта Германия проявляла заинтересованность в том, чтобы заключение данного союза не рассматривалось как непосредственная угроза СССР. В договоре было сказано: «Германия, Италия и Япония заявляют, что данное соглашение не затрагивает

политического статуса, существующего в настоящее время между каждой из трех договаривающихся сторон и Советской Россией» (ст. 5) [23]. Кроме того, германское правительство приняло решение проинформировать СССР о союзе ранее его подписания. Это было сделано 26 сентября поверенным в делах Германии в СССР В. Типпельскирхом (Шуленбург в это время находился в Берлине). Дипломатические ухищрения Берлина диктовались не попечением «о нерушимости» советско-германских отношений, а соображениями времени, которое было необходимо для сосредоточения сил вермахта против СССР. Это прекрасно понимали в Москве, тем более, что начиная с августа 1940 г. на стол высшему советскому руководству ежедневно ложились отчеты, рапорты, донесения о переброске немецких дивизий на восток.

В октябре 1940 г. после ввода немецких войск в Румынию напряженность в советско-германских отношениях начинает перерастать в конфронтацию. Это чувствовали как в Москве, так и в Берлине. Разрядке напряженности могла бы способствовать только встреча на высшем уровне. Германия вновь возвращается к своим предложениям о визите Молотова в Берлин. 13 октября 1940 г. Риббентроп отправляет письмо Сталину, в котором кроме туманных заверений в союзнических намерениях содержалась просьба о крайней необходимости личной встречи руководства двух стран. Как уже было отмечено В.Я. Сиполсом, письмо Риббентропа не содержало никаких указаний на перспективу или возможность присоединения СССР к Тройственному пакту [24]. Смысл обширного письма немецкого министра сводился к предложению по организации визита Молотова, приезд которого в Берлин «дал бы фюреру возможность изложить господину Молотову лично свои мысли о дальнейшем устройстве отношений между нашими двумя странами» [25]. Представляется, что однозначно исключать возможность действительного намерения Риббентропа ввести СССР в Тройственный пакт, в свете новейших исследований было бы неверно [26]. Тем более что в немецком МИДе заметную роль играла именно «партия союза с Россией». В нее входил глава немецкого посольства в Москве Шуленбург.

Согласно свидетельству советника германского посольства в СССР Г. Штарке: «в основу своей миссии в Москве Шуленбург ставил укрепление советско-германского сотрудничества... <...> с большим уважением отзывался о руководителях Советского государства – Сталине и Молотове, а объявление войны Германией Советскому Союзу характеризовал как безумный акт, сведший на нет все его старания упрочить мир между двумя странами» [27].

Сторонником военного союза с СССР был и генерал Карл Хаусхофер – классик германской геополитики. Хаусхофер уверял Риббентропа в необходимости формирования так называемого «континентального блока» - оси Берлин – Москва – Токио. Появление такого альянса стало бы, по мысли Хаусхофера, началом конца англо-американского господства в мире [28]. Однако Риббентроп, часто пребывавший в нерешительности и неспособный противиться воле Гитлера, не смог отстоять идеи немецкого профессора, которые, в значительной степени, он разделял и сам. Именно антибольшевистские предубеждения и стереотипы Гитлера, а не концепция Хаусхофера и взгляды Риббентропа – сыграли решающую роль в определении вектора развития германской внешней политики.

На переговорах в Берлине «двойная игра» Гитлера и Риббентропа продолжилась. Для Риббентропа развитие дружественных отношений с СССР было главной целью, но вместе с тем рейхсминистр прекрасно понимал, что встреча с Молотовым является прекрасной возможностью остановить наметившееся англо-советское сближение. Именно этим объясняются предложение по дележу колониального наследия Британской империи, которые Риббентроп озвучивал в ходе переговоров. Как и Риббентроп, Гитлер на переговорах в Берлине настойчиво повторял, что Англия разгромлена и великим державам (Германии, СССР, Италии, Японии) необходимо перейти к новому миропорядку. В ходе беседы с Молотовым 12 ноября рейхсканцлер предлагает СССР участвовать в Тройственном пакте как четвертому партнеру и просит советскую делегацию указать регионы мира, входящие в сферу интересов советского государства. Молотов был готов перейти к конкретным вопросам, но эта беседа двух политиков была прервана по предложению Гитлера, сославшегося на возможность воздушной тревоги. Как расценивать подобное предложение Гитлера? Это было попыткой окончательно перетянуть СССР на свою сторону

или лишь «дымовой завесой», провокацией рассчитанной на неосторожность Молотова и советского руководства?

Из дальнейшего хода переговоров видно, что предложение Гитлера о вступлении СССР в Тройственный пакт имело характер своеобразного дипломатического блефа, рассчитанного очевидно на то, что советская сторона втянется в обсуждение контуров новых мировых границ и сфер влияния. На последующей 13 ноября встрече Гитлер не стал конкретизировать свое предложение. Риббентроп в тот же день и вовсе предложил только «сырые мысли», касающиеся «сотрудничества между государствами – пакта трех и СССР» [29]. Молотов не стал обсуждать «сырые мысли» Риббентропа, а попытался перейти к вопросам, прямо затрагивающим безопасность СССР, в частности к проблеме статуса черноморских проливов. Глава немецкого МИДа отказался предметно обсуждать этот вопрос без предварительной встречи с итальянскими коллегами [30]. Более того, в ходе беседы Риббентроп заметил, что перед ним «поставлено больше того количества вопросов, на которые он в состоянии ответить» [31].

Таким образом, для немецкой стороны встреча в Берлине была не поводом для развития и укрепления советско-германских отношений, а тем более не возможностью для присоединения СССР к пакту трех, а дипломатическим маневром, преследовавшим две основные цели:

1) Широкими жестами и декларациями снять напряженность в двусторонних отношениях и, тем самым, сгладить впечатление от заключения Тройственного пакта.

2) Попытаться вбить клин между СССР и Англией, дав советскому руководству вволю пофантазировать на тему передела мира.

Справедливость и обоснованность подобной оценки подтверждаются и тем, что организация визита Молотова в Берлин являлась не единственным мероприятием немецкого правительства, призванного замаскировать военные приготовления Германии. Это же значение имели переговоры торговой делегации Германии в Москве (декабрь 1940 – январь 1941 гг.), заключение договора о доставке в Германию 2,5 миллионов тонн зерна, которое обеспечило бы питанием немецкое население до конца 1942 г. (февраль 1941 г.), планы постройки дипломатического «немецкого городка» в советской столице (1940–1941 гг.) [32].

Через месяц после переговоров в Берлине 18 декабря Гитлер подписал секретную директиву № 21 – план «Барбаросса», который активно разрабатывался с июля 1940 г.

После некоторого дипломатического затишья первых месяцев 1941 г. настоящая буря в советско-германских отношениях разразилась после подписания советско-югославского договора о дружбе и ненападении 5 апреля 1941 г. Подписание договора произошло уже после того как Гитлер отдал приказ о начале военной кампании против Югославии. Внешнеполитический демарш СССР был расценен немецкими и итальянскими дипломатами как выражение крайнего недовольства СССР, а также в качестве свидетельства о серьезной смене курса в его международной политике. Так, в частности посол Шуленбург отметил следующее: «Дружественный пакт между СССР и Югославией – это акт не только простого недовольства со стороны СССР, а акт, могущий явиться началом коренного изменения во внешней политике СССР...» [33]. Германию заключение советско-югославского пакта не остановило. 6 апреля 1941 г. вермахт перешел в наступление. Через десять дней югославская армия была разгромлена и 18 апреля Югославия капитулировала.

Заклучив соглашение с Югославией, советское руководство пыталось выиграть время для подготовки уже неизбежного военного противостояния с Германией. Но надеждам на затягивание германо-югославской войны не суждено было сбыться. В изменившейся обстановке СССР круто меняет внешнеполитическую тактику и на протяжении весны – начала лета 1941 г. всячески демонстрирует свою готовность к конструктивному и взаимовыгодному диалогу с германской стороной. «Замороженные» в феврале-марте советские хозяйственные поставки в Германию в апреле были не только выполнены, но и перевыполнены в объеме за весь квартал. В апреле советская сторона продемонстрировала невиданную ранее сговорчивость в ходе переговоров по пограничным вопросам. В начале мая Кремль закрыл все дипломатические миссии стран, оккупированных Германией (в том числе и югославское представительство). Вместе с тем, СССР крупными военными учениями, парадами, выдвиганием войск к западной границе показывал возросшую мощь

Красной армии и ее готовность отразить любую агрессию. Все эти меры были замечены Берлином, но не смогли поколебать намерений Гитлера.

Заключение. Советско-германские отношения в 1940-1941 гг. были борьбой двух сторон, каждая из которых преследовала собственные цели. Германии «мир на Востоке» необходим был для успешного проведения военных операций против Франции и Англии. СССР в планах Гитлера являлся потенциальной жертвой, а не союзником. Это не означает, что в Германии среди дипломатов и политиков не было иного мнения в отношении места советской России во внешней политике рейха, однако, «воля фюрера» имела куда как большее значение. Для СССР развитие советско-германских отношений было средством прорыва дипломатической изоляции и важным фактором обеспечения безопасности. Нарастание напряженности между двумя державами было неизбежно ввиду экспансионистских устремлений гитлеровской Германии, растущего военно-политического потенциала СССР и невозможности долговременной гармонизации их обоюдных интересов и устремлений.

Примечания:

1. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М.: АИРО-XX, 2010. С. 235-236.
2. Трут В.П. Общественно-политическая и научная актуальность проблем кануна и начальных периодов Второй Мировой и Великой Отечественной войн // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): Материалы Международной научной конференции (1-2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону) Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 14-17.
3. Цит. по: Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001. С. 9.
4. 1941 год. Кн. 1. / Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 18-19.
5. Молодяков В.Э. Берлин-Москва-Токио: к истории несостоявшейся «оси», 1939-1941. М.: АИРО-XX, 2000. С. 33.
6. Цит по: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 (документы, факты, суждения). М.: «Вече», 2000. С. 252.
7. Молодяков В.Э. Берлин-Москва-Токио: к истории несостоявшейся «оси», 1939-1941. М.: АИРО-XX, 2000. С. 35.
8. Цит. по: Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (документы, факты, суждения). М.: «Вече», 2000. С. 258.
9. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (документы, факты, суждения). М.: «Вече», 2000. С. 259.
10. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (документы, факты, суждения). М.: «Вече», 2000. С. 259.
11. 1941 год. Кн. 1. С. 19-20.
12. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (документы, факты, суждения). М.: «Вече», 2000. С. 261.
13. Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 (документы, факты, суждения). М.: «Вече», 2000. С. 262-263.
14. Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001. С. 110.
15. Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001. С. 111.
16. История внешней политики СССР. Т.1. 1917-1945. М.: «Наука», 1980. С. 394.
17. 1941 год. Кн. 1. / Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 42-43.
18. 1941 год. Кн. 1. / Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 41.
19. Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001. С. 117.
20. 1941 год. Кн. 1. / Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 116.
21. 1941 год. Кн. 1. / Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 138.

22. Three-Power Pact Between Germany, Italy, and Japan, Signed at Berlin, September 27, 1940 // <http://avalon.law.yale.edu/wwii/triparti.asp> (Дата обращения: 15.09.2013).
23. Ibid.
24. Сиполс В.Я. Еще раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // Новая и Новейшая история. 1996. № 3. С. 34.
25. 1941 год. Кн. 1. / Сост. Л.Е. Решин и др. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 310.
26. Молодяков В.Э. Берлин-Москва-Токио: к истории несостоявшейся «оси», 1939-1941. М.: АИРО-XX, 2000. С. 44.
27. Тайны дипломатии Третьего Рейха: Германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944-1955 / Отв. ред. В.С. Христофоров. М.: МФД, 2011. С. 509.
28. Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 371–418.
29. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. М.: Международные отношения, 1998. С. 72.
30. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. М.: Международные отношения, 1998. С. 76.
31. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII. Кн. 2. 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. М.: Международные отношения, 1998. С. 77.
32. Тайны дипломатии Третьего Рейха. С. 368-370.
33. Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. М.: «Мосгорархив», 1995. С. 24.

References:

1. Bordyugov G.A. Oktyabr'. Stalin. Pobeda. Kul't yubileev v prostranstve pamyati. М.: АИРО-XX, 2010. S. 235-236.
2. Trut V.P. Obshchestvenno-politicheskaya i nauchnaya aktual'nost' problem kanuna i nachal'nykh periodov Vtoroi Mirovoi i Velikoi Otechestvennoi voin // Voina v istorii i sud'bakh narodov yuga Rossii (k 70-letiyu nachala Velikoi Otechestvennoi voiny): Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (1-2 iyunya 2011 g., Rostov-na-Donu) Otv. red. akad. G.G. Matishov. Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2011. S. 14-17.
3. Tsit. po: Vishlev O.V. Nakanune 22 iyunya 1941 goda. М.: Nauka, 2001. S. 9.
4. 1941 god. Кн. 1. / Sost. L.E. Reshin i dr. М.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 1998. S. 18-19.
5. Molodyakov V.E. Berlin-Moskva-Tokio: k istorii nesostoyavsheisya «osi», 1939-1941. М.: АИРО-XX, 2000. S. 33.
6. Tsit po: Mel'tyukhov M.I. Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939–1941 (dokumenty, fakty, suzhdeniya). М.: «Veche», 2000. S. 252.
7. Molodyakov V.E. Berlin-Moskva-Tokio: k istorii nesostoyavsheisya «osi», 1939-1941. М.: АИРО-XX, 2000. S. 35.
8. Tsit. po: Mel'tyukhov M.I. Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939-1941 (dokumenty, fakty, suzhdeniya). М.: «Veche», 2000. S. 258.
9. Mel'tyukhov M.I. Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939-1941 (dokumenty, fakty, suzhdeniya). М.: «Veche», 2000. S. 259.
10. Mel'tyukhov M.I. Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939-1941 (dokumenty, fakty, suzhdeniya). М.: «Veche», 2000. S. 259.
11. 1941 god. Кн. 1. S. 19-20.
12. Mel'tyukhov M.I. Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939-1941 (dokumenty, fakty, suzhdeniya). М.: «Veche», 2000. S. 261.
13. Mel'tyukhov M.I. Upushchennyi shans Stalina. Sovetskii Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939-1941 (dokumenty, fakty, suzhdeniya). М.: «Veche», 2000. S. 262-263.
14. Vishlev O.V. Nakanune 22 iyunya 1941 goda. М.: Nauka, 2001. S. 110.
15. Vishlev O.V. Nakanune 22 iyunya 1941 goda. М.: Nauka, 2001. S. 111.
16. Istoriya vneshnei politiki SSSR. T.I. 1917-1945. М.: «Nauka», 1980. S. 394.
17. 1941 god. Кн. 1. / Sost. L.E. Reshin i dr. М.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 1998. S. 42-43.

18. 1941 god. Kn. 1. / Sost. L.E. Reshin i dr. M.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 1998. S. 41.
19. Vishlev O.V. Nakanune 22 iyunya 1941 goda. M.: Nauka, 2001. S. 117.
20. 1941 god. Kn. 1. / Sost. L.E. Reshin i dr. M.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 1998. S. 116.
21. 1941 god. Kn. 1. / Sost. L.E. Reshin i dr. M.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 1998. S. 138.
22. Three-Power Pact Between Germany, Italy, and Japan, Signed at Berlin, September 27, 1940 // <http://avalon.law.yale.edu/wwii/triparti.asp> (Data obrashcheniya: 15.09.2013).
23. Ibid.
24. Sipols V.Ya. Eshche raz o diplomaticheskoi dueli v Berline v noyabre 1940 g. // Novaya i Noveishaya istoriya. 1996. № 3. S. 34.
25. 1941 god. Kn. 1. / Sost. L.E. Reshin i dr. M.: Mezhdunarodnyi fond «Demokratiya», 1998. S. 310.
26. Molodyakov V.E. Berlin-Moskva-Tokio: k istorii nesostoyavsheysya «osi», 1939-1941. M.: AIRO-XX, 2000. S. 44.
27. Tainy diplomatii Tret'ego Reikha: Germanskie diplomaty, rukovoditeli zarubezhnykh voennykh missii, voennye i politseiskie attashe v sovetskom plenu. Dokumenty iz sledstvennykh del. 1944-1955 / Otv. red. V.S. Khristoforov. M.: MFD, 2011. S. 509.
28. Khauskhofer K. O geopolitike: Raboty raznykh let. M.: Mysl', 2001. С. 371–418.
29. Dokumenty vneshnei politiki. 1940 – 22 iyunya 1941. T. XXIII. Kn. 2. 1 noyabrya 1940 – 1 marta 1941. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. S. 72.
30. Dokumenty vneshnei politiki. 1940 – 22 iyunya 1941. T. XXIII. Kn. 2. 1 noyabrya 1940 – 1 marta 1941. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. S. 76.
31. Dokumenty vneshnei politiki. 1940 – 22 iyunya 1941. T. XXIII. Kn. 2. 1 noyabrya 1940 – 1 marta 1941. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. S. 77.
32. Tainy diplomatii Tret'ego Reikha. S. 368-370.
33. Sekrety Gitlera na stole u Stalina. Razvedka i kontrrazvedka o podgotovke germanskoj agressii protiv SSSR. M.: «Mosgorarkhiv», 1995. S. 24.

УДК 93/94

Советско-германские отношения в 1940–1941 гг.

Амиран Урушадзе

Южный федеральный университет, Российская Федерация
344090, г. Ростов-на-Дону, ул. Жмайлова, д. 23, к.3
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Чехова, д. 41
Кандидат исторических наук
E-mail: urushadze85@mail.ru

Аннотация. В статье на основе опубликованных источников комплексно проанализированы основные этапы развития советско-германских отношения в 1940–1941 гг. Критически рассмотрены некоторые стереотипные оценки, получившие широкое распространение в публицистических работах и историографии. Выделены и охарактеризованы основные мотивы и цели, определявшие внешнеполитический курс СССР и Германии.

Ключевые слова: советско-германские отношения; внешняя политика СССР.